

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

«СИЛЬНАЯ» И «СЛАБАЯ» СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ РОССИЙСКИХ РЕАЛИЙ

А.М. Орехов

Кафедра социальной философии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье предлагается ввести в оборот концепты «сильной» и «слабой» науки, исследование которых фокусируется на когнитивных практиках социальных наук. «Сильная» социальная наука (в регионе или в мире) — это наука, чьи представители занимают лидирующее положение в процессе производства социального знания в целом. «Слабая» социальная наука — это наука, представители которой находятся на положении аутсайдеров в производстве социального знания. Трансформация российской социальной науки из «слабой» в «сильную» требует наличия следующих условий: опоры на «внутренние» резервы; поддержки государства; развития свободы и демократии, а также активной деятельности национальных неправительственных фондов; развития междисциплинарных и полидисциплинарных исследований.

Ключевые слова: сильная наука, слабая наука, социальная наука, социология науки.

Перевод понятий обыденного, повседневного языка на язык науки — дело непростое и неблагодарное, но иногда «того стоящее». Особенно если рассматриваемый концепт оказывается эффективным и способным открыть новые горизонты для социального знания.

В повседневной речи ученых широко употребляются понятия «сильная наука» и «слабая наука». Нередко можно слышать такие фразы: «Я уехал в США, потому что там *сильная* наука», «Мне в России делать нечего, у нас здесь *слабая* наука» и т.п. Но для *социологии социальных наук* эти фразы оказываются чрезвычайно интересными: ведь в них утверждается то, что, по сути, не исследовано, а именно концепты „сильная наука“, „слабая наука“, „сила науки“» и т.п. (1).

Дадим соответствующие определения и обсудим проистекающие из этого проблемы на примере социальных наук и сквозь призму российских реалий.

«Сильная» наука (в регионе или в мире) — это наука, чьи представители занимают лидирующее положение в процессе производства научного знания в целом. «Слабая» наука — это наука, представители которой находятся на положе-

нии аутсайдеров в производстве научного знания. Сказанное в полной мере применимо к случаю социальных наук.

Введем теперь ключевое для нас понятие «силы науки»: «Сила науки» — это способность науки решать различные исследовательские проблемы, а также способность навязывать схемы этих решений другим социальным институтам, вырабатывающим знания. В региональном (географическом) аспекте «сила науки» означает потенциальную возможность ученых данного региона навязывать свои схемы решения исследовательских проблем ученым других регионов, оставляя за последними большей частью эмпирические исследования.

Как видно из вышесказанного, данные концепты могут рассматриваться в различных аспектах. Например, можно сказать, что наука в целом сильнее, чем религия, магия или здравый смысл, подразумевая, что она поставляет человеку более точную и достоверную информацию об окружающем его мире, чем перечисленные типы знания. Также термин «сила науки» применим и в историческом ракурсе: современная наука, наука начала XXI в., сильнее, чем наука, к примеру, эпохи Нового времени, а наука Нового времени была сильнее, чем античная наука.

И, наконец, географический (региональный) аспект — сравнение науки различных регионов, стран, континентов и т.п. Этот аспект отражает факт неравномерного развития науки в различных регионах, странах, на разных континентах и т.д. Вследствие этого в мире образуются различные ареалы, в каждом из которых развитие науки как социального института и развитие системы научных знаний можно фиксировать на определенном уровне. Неравномерность научного развития в географическом (региональном) аспекте характерна и для современной науки: есть регионы (страны, континенты), где наука развита сильнее, а есть такие регионы, где она развита слабее.

В чем это может выражаться более конкретно? Представители «сильной» науки являются ведущими в системе научного цитирования (в том числе за пределами страны или региона — во всем мире), их учебники и монографии переводят на другие языки, их приглашают читать лекции в зарубежных университетах, их высказывания являются авторитетными для представителей «слабой» науки, и, наконец, их теории и концепции признаются за «истину» в науке в целом. Представителей «слабой» науки цитируют мало (в основном в пределах данного региона или страны) или не цитируют вообще, их учебники и монографии не представляют интереса для мирового научного сообщества, они выступают приглашающей стороной для ученых из региона «сильной» науки, и, наконец, исследователи, представляющие «слабую» науку, или вообще не разрабатывают никаких теоретических концепций, ограничиваясь исключительно эмпирическими исследованиями, или, в крайнем случае, их теоретические построения представляют интерес только для ученых из их региона или страны.

В отношении социальных наук здесь можно сформулировать три основных вопроса: 1) каким образом в ходе своего исторического развития наука того или иного конкретного региона (страны, континента) становится «сильной» или «слабой»? 2) как примерно выглядит стратегия трансформации «слабой» социальной

науки в «сильную»? 3) если мы установим факт существования в России «слабой» социальной науки, то, что нужно сделать уже сейчас, чтобы у нас появилась «сильная» социальная наука?

Пути исторического развития, в том числе исторического развития знания, «неисповедимы», и это в полной мере относится к социальным наукам. Само становление социальных наук в различных регионах необходимо связывать с множеством конкретных экономических, политических и культурных факторов. Экономические факторы — в первую очередь, развитие промышленности и экономики в целом; политические факторы — зрелость демократических институтов, наличие политической и интеллектуальной свободы; культурные факторы, — прежде всего, способность культуры генерировать свои инновации и воспринимать чужие новшества, развитость системы высшего образования и спрос на новые идеи.

Говоря экономическим языком, чтобы социальные науки где-то появились, взошли, окрепли и дали новые плоды, на них должен существовать *спрос*, т.е. социальная, экономическая и духовная потребность в них. Если нет такой потребности, то не будет и социальных наук, а также сферы образования, где эти науки востребованы и преподаются. Общество должно развиваться таким образом, чтобы постоянно требовать от ученых-гуманитариев все более точных, ясных и полных знаний о себе самом. Консервативное, застойное, «закрытое» (в попперовском понимании) и деспотическое общество вряд ли будет требовать таких знаний в отношении самого себя, поскольку *объективное* социальное знание будет здесь просто ненужно; наоборот, вполне возможно, ученых, обладающих такими знаниями, будут преследовать и подвергать репрессиям.

В обществе спрос на фундаментальную социальную науку в большинстве случаев должен сопровождаться спросом на прикладную социальную науку. От социальных ученых должны требовать эффективности в решении конкретных политических, экономических и социальных проблем данного общества. Иметь «сильную» социальную науку — это значит не только иметь сильных социальных теоретиков, но и сильных социальных прикладников; «сильной» социальной науке не должно быть позволено уходить в схоластику и бесплодные спекулятивные умствования, она должна быть нацелена на решение конкретных проблем общества. «Эффективность» в использовании социальных знаний — один из признаков, отличающих «сильную» социальную науку от «слабой»: «Лучше живут не те страны, которые вносят самый значительный вклад в мировую науку, а те, которые больше получают от нее, то есть наиболее эффективно используют результаты научно-технического прогресса» [6. С. 617].

Исторически сложилось так, что «сильная» социальная наука изначально сформировалась в Западной Европе. Этому благоприятствовали следующие обстоятельства: а) использование античного философского и научного наследия, включая социально-политические труды таких мыслителей, как Платон и Аристотель, а также детально разработанное древнеримскими юристами римское право; б) логические достижения средневековой схоластики, благодаря которым сформировалась элементарная логика социальных наук; в) «антропологический поворот»

эпохи Ренессанса, заложивший основы гуманитарного знания (2); г) индустриальная революция XVII—XVIII вв., сформировавшая спрос не только на объективное естественнонаучное знание, но и на объективное социогуманитарное знание; д) революция в естествознании XVI—XVII вв., положившая начало так называемой «классической науке»; е) развитие демократии, становление концепции естественного права и прав личности и в целом политического и духовного плюрализма.

К XIX—XX вв. европейские социальные науки стали доминирующими в мире; впоследствии, уже в XX в., к этому теоретическому доминированию присоединилась социальная наука США и Канады. Социальные науки всех других стран оказались на положении «периферии»; этому также способствовало то, что большинство ведущих научных журналов в сфере социального знания выходит на английском языке (язык США, Великобритании и Канады); англоязычными также являются почти все ведущие мировые издательства, публикующие научную литературу по социальным наукам. Именно этот (европейско-североамериканский) регион ныне предъявляет наиболее жесткий и одновременно наиболее насущный спрос на объективное социальное знание, и, используя свои экономические достижения и ресурсы, располагает инструментами наиболее эффективной и полнокровной поддержки социальных исследователей не только в своем регионе, но и во всем мире, — в основном такая поддержка осуществляется через систему независимых от правительства (часто чисто формально) некоммерческих фондов. Таков конечный результат неравномерного научного развития в сфере социального знания к началу XXI в. (3).

Но поставим вопрос: что же необходимо сделать, чтобы трансформировать «слабую» социальную науку в «сильную», каковы основные методы и схемы, какова стратегия подобной трансформации? И, кстати, возможно ли это вообще сделать в условиях, например, «слабого», отсталого в экономическом отношении государства?

Подобный вопрос заставляет нас выстроить две логические цепочки: 1) «сильное» государство $\Rightarrow$ передовые технологии $\Rightarrow$ «сильные» естественные науки $\Rightarrow$ «сильная» социальная наука; 2) «слабое» государство $\Rightarrow$ отсталые технологии $\Rightarrow$ «слабые» естественные науки $\Rightarrow$ «слабая» социальная наука. Может ли государство, не обладающее передовыми технологиями и «сильными» естественными науками (т.е. физикой, математикой, химией, биологией и т.п.), создать «сильную» социальную науку, способную на равных конкурировать с другими «центрами» социальных наук в мире (США, Западной Европой)? (4).

Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, вполне может быть положительным. Да, «слабое» и отсталое в экономическом отношении государство может создать «сильную» социальную науку. Действительно, на наш взгляд, не всегда существует тесная корреляция между уровнем развития страны и уровнем развития социальных наук в данной стране. Вполне может быть и такое, когда в передовом и развитом государстве социальная наука слаба, — так было, например, в США в XIX и в первой трети XX в. И, наоборот, отсталая в экономическом и раздробленная

в политическом отношении Германия конца XVIII — начала XIX в. дала социальным наукам передовые для своего времени моральные, правовые и политические концепции И. Канта и Г.В. Ф. Гегеля.

Одна из ключевых задач социологии социальных наук как раз и сводится к тому, чтобы исследовать технологии (или, в целом, стратегию) превращения «слабой» социальной науки в «сильную». Все эти технологии можно поделить на два основных вида: «внутренние» и «внешние». «Внутренние» технологии — это пути и способы трансформации «слабой» науки в «сильную» исключительно за счет «внутренних», национальных резервов страны. «Внешние» технологии — это пути и способы трансформации «слабой» науки в «сильную» за счет «внешнего», международного воздействия.

Здесь мы хотели бы выдвинуть следующий тезис: трансформация «слабой» социальной науки в «сильную» возможна только в том случае, если задействованы, прежде всего, «внутренние», национальные резервы страны; «внешняя» поддержка и «внешние» технологии здесь не могут иметь существенного значения.

Что это значит? Для создания «сильной» социальной науки в стране необходимо вовсе не так много, как это кажется, — ведь в отличие от естественных наук здесь нет больших затрат на научное оборудование. Но социальной науке нужна, в первую очередь, мощная (включая финансовую) поддержка со стороны государства, а также активная деятельность национальных научных фондов. Необходимо также снижение бюрократического давления на социальных ученых, свобода научного творчества, изгнание из сферы социальных наук излишней регламентации, мелочной опеки и бюрократического контроля. В социальные науки необходимо внедрять принципы конкуренции и соревновательности, проводить множество различных конкурсов, — в том числе среди аспирантов и молодых ученых. А соответствующие объемы финансирования должны избавить исследователей от необходимости искать дополнительные подработки, — с тем, чтобы они могли полностью сосредоточиться на своих исследованиях.

Но откуда возникает убежденность, что нереально добиться усиления социальных дисциплин исключительно за счет внешних факторов воздействия? Дело в том, что внешняя, международная поддержка на деле, скорее, не «усиливает» социальные науки в стране, а лишь улучшает, поднимает качество социально-гуманитарного образования, — поскольку позволяет этому, «слабому», образованию эффективно использовать все достижения «сильных» социальных наук. Но «усилить» социально-гуманитарное образование в регионе или конкретной стране и «усилить» там же социальную науку — это разные вещи. Первое сделать гораздо проще, и для этого достаточно внешних факторов воздействия, а вот второе сделать только за их счет вряд ли возможно.

Перед нашими глазами печальный опыт региона, который мы знаем лучше всего. Это — современные государства Центральной Азии (Туркменистан, Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан), испытавшие начиная с 1990-х гг. исключительно сильное внешнее воздействие на собственную социальную науку и образование программ зарубежных правительств, международных организаций

и частных фондов. И хотя это воздействие продолжается по сей день, его первые итоги за двадцать лет вполне можно подвести уже сейчас.

Само внешнее воздействие на центральноазиатскую социальную науку осуществляли такие международные организации, как Фонд Сороса (Фонд «Открытое общество»), фонд Ага-хана, Фонд «Евразия» и др., которые реализовали и продолжают реализовывать в этом регионе большое количество различных программ, по многим из которых существует гранты и стипендии. Одной из задач такого «внешнего воздействия» как раз и была задача максимально «подтянуть» центральноазиатские социальные науки до общепринятых западных стандартов, для чего использовались вполне адекватные методы: открытие вузов, соответствующих этим стандартам, стажировки преподавателей и ученых региона в западных странах, гранты, специально ориентированные программы и т.п. Однако на деле, как показывают результаты, продвижение в направлении к этой цели оказалось относительно эффективным лишь в сфере образования, а вот в сфере науки ситуация оказалось куда запутаннее и сложнее.

Конструирование «сильной» социальной науки в любой стране, как видно из центральноазиатского опыта, — процесс, требующий не столько мощных внешних вливаний, сколько внутренних ресурсов, поддержки государства и создания творческой атмосферы в среде социальных ученых (особенно молодых). В этом отношении обстановка в науке и образовании центральноазиатских государств оказалась более чем неблагоприятной. Сильное бюрократическое давление, оказываемое на ученых и преподавателей со стороны руководящих инстанций, продвижение вверх лишь «лояльных» сотрудников, безропотно выполняющих «идеологический заказ» правящей элиты, наконец, сама атмосфера подозрительности, продуцируемая авторитарными режимами (Туркменистан, Казахстан, Узбекистан), сыграли и продолжают играть роль мощных барьеров, сдерживающих развитие социальной науки в этих государствах.

Отметим, что те же самые выводы можно отнести и к России, где социальные науки также испытали сильное «внешнее воздействие», особенно в 1990-е гг. Но результат оказался тем же: наши социальные науки отнюдь не стали «сильнее», чем были раньше, и внутренних причин тому множество: и слабая заинтересованность в этом государства (если вообще можно говорить о какой-либо заинтересованности); и бюрократическая заторможенность, неповоротливость российской «научной аристократии» в сфере социальных наук, ее стремление (вполне понятное, исходя из «эффекта Матфея») законсервировать свои научные позиции; отраслевая замкнутость и подозрительность (это в то время, когда не менее половины научных открытий в социальных науках делается, скорее, не в рамках отдельных дисциплин, а на стыках между ними!). О каком продвижении России в направлении «сильной» социальной науки тогда вообще могла идти речь? Удивительнее, скорее, другое: что нас вообще знают и о нас что-то слышат...

Итак, что же нужно сделать, чтобы резко ускорить темпы развития российских социальных наук? Возможно, кто-то из ученых попробует оспорить сам факт существования в России «слабой» социальной науки. Но тогда пусть он попробу-

ет ответить на следующие вопросы: какое количество российских монографий, учебников и статей в сфере социальных наук переводится на другие языки (включая, в первую очередь, английский)? Сколько социальных теорий и концепций, разработанных российскими учеными, вызвали интерес у мирового научного сообщества? Сколько российских социальных ученых приглашается на чтение лекций в ведущие университеты мира? Увы, цифры здесь будут просто удручающими, и вряд ли они позволят привести серьезные аргументы в пользу тезиса, что в России есть «сильная» социальная наука. Еще одним подтверждением может быть мировой индекс цитируемости российских социальных исследователей: он в несколько раз ниже цитируемости российских физиков или химиков (5).

На наш взгляд, *стратегия трансформации* российской социальной науки из «слабой» в «сильную» должна включать в себя четыре основных пункта:

— нужна опора на «собственные силы», на внутренние резервы, на национальные источники поддержки и финансирования; как показывает опыт, «внешняя» поддержка социальных наук не способна серьезно их продвинуть вперед, она эффективна, в первую очередь, лишь в отношении системы социально-гуманитарного образования;

— среди национальных источников поддержки и финансирования российских социальных наук ключевую роль должны играть государственные институты и фонды; без поддержки государства ни о каком продвижении российских социальных наук в направлении «сильной» науки не может быть и речи; при этом социальной науке в России нужно именно ненавязчивое и доброжелательное внимание государства, а не его мелочная опека, регламентация, контроль и всеобъемлющая бюрократическая подозрительность;

— развитие социальных наук следует тесно увязывать со становлением в России *политического плюрализма, свободы и демократии*; в России должны действовать десятки и даже сотни национальных неправительственных фондов (в том числе и оппозиционно настроенных), финансирующих работы социальных ученых (6); без радикального (в несколько десятков раз) увеличения частного финансирования и частной поддержки поднять российскую социальную науку до уровня мировой нельзя;

— стратегическим пунктом развития российских социальных наук, на наш взгляд, должны стать *междисциплинарные и полидисциплинарные исследования*, — эти исследования должны иметь приоритет перед узкодисциплинарными работами, выполненными в рамках одной социальной дисциплины; именно за счет фундаментального развития такого рода исследований Россия окажется способна в разумные сроки ликвидировать свое отставание в сфере социальных наук от западных государств, которые все еще по большей части отдают приоритет именно узкодисциплинарным исследованиям (7).

Если эти четыре пункта когда-либо будут в России выполнены (хотя сам автор статьи преисполнен пессимизма в этом отношении), тогда у российских социальных наук появится шанс: перестать находиться на задворках мировой социальной науки, а самим диктовать стратегию ее развития и определять основные траекто-

рии ее будущей трансформации. «Сильная» социальная наука необходима России и в практическом плане, — использование ее достижений может сыграть роль одного из факторов-ускорителей, которые позволят нашей стране в минимальные сроки преодолеть свое отставание от ведущих постиндустриальных держав и войти в число последних.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) У нас нет здесь возможности обсуждать проблему различия между «социальными» и «гуманитарными» науками, а также в целом те проблемы, которые ставит социология социальных наук. Отошлем желающих к нашим статьям [3; 4].
- (2) О становлении гуманитарного знания в эпоху Ренессанса см. напр.: [5]. В частности, Р. Смит подчеркивает: «На университетском же уровне упор делался на изучении наук, которые историки сегодня иногда называют *studia humanitatis*, или гуманитаристикой: *grammatica, rhetorica, poetica, historia* и *philosophia moralis*. Гуманитарные науки, впрочем, были более характерны для гражданской жизни при дворах европейских государей и в городах Европы, нежели для университетов. Но и здесь, и там наиболее важной составляющей гуманистической образованности становилась моральная философия, несущая новый образ человеческого знания» [5. С. 24].
- (4) Заметим, что при всем при том мы никак не склонны сводить все социальные науки к их «европейско-североамериканскому» варианту и вполне согласны с А.В. Юревичем, утверждающим: «Мировая наука — это *совокупность национальных наук*, какими бы непохожими на англо-американскую науку они ни были» [6. С. 618].
- (5) Заметим, что проблема «центр — периферия» в отношении к примеру социальной теории разрабатывалась другими исследователями (см. напр.: [1]).
- (6) Например, доля ссылок на публикации российских физиков в мировом измерении составляет 40,6%, на публикации химиков — 16,6%, а на публикации российских социальных ученых — 0,18% [2. С. 487]. Комментарии, как говорится, излишни. Впрочем, следует заметить, что значимость этих результатов оспаривается А.В. Юревичем [6].
- (7) Одна из главных проблем как раз и состоит в том, что к смелым и независимым исследованиям российских социальных ученых интерес в основном проявляют лишь зарубежные фонды, которые находятся на «плохом счету» у нынешней российской власти. Это лишний раз говорит о том, что современному российскому государству нужна «послушная», «покорная», «закрытая» социальная наука, а вовсе не независимая и «открытая».
- (8) В том же духе и Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ) по-прежнему упорно делит социально-гуманитарные науки по «цехам», никак не желая вводить междисциплинарные исследования в предмет своей заботы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Коннел Р. Политическая география общей социальной теории // Вопросы социальной теории. — 2009. — Т. III. — Вып. 1(3).
- [2] Маркусова В.А., Иванов В.В., Варшавский А.Е. Библиометрические показатели российской науки в РАН (1997—2007) // Вестник РАН. — 2009. — № 6.
- [3] Орехов А.М. «Социальное» versus «гуманитарное»: от фактов к теории и методологии // Личность. Культура. Общество. — 2011. — Т. XIII. — Вып. 4.
- [4] Орехов А.М. Социология социальных наук: становление нового направления исследований // Вестник РУДН. Серия «Социология». — 2011. — № 4.
- [5] Смит Р. История гуманитарных наук. — М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2008.
- [6] Юревич А.В. К проблеме оценки вклада российской социогуманитарной науки в мировую // Вестник РАН. — 2011. — № 7.

THE “STRONG” AND “WEAK” SOCIAL SCIENCE: A LOOK THROUGH THE PRISM OF RUSSIAN REALITIES

A.M. Orekhov

Chair of Social Philosophy
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article proposes to introduce and apply the concepts of “strong” and “weak” science, which in their research focus on the cognitive practices of social sciences. A “strong” social science (in a region or in the world) is a science whose representatives hold the leading position in the process of producing social knowledge as a whole. A “weak” social science is a science whose representatives occupy the position of outsiders in the production of social knowledge. The transformation of Russian social science from “weak” to “strong” requires the following prerequisites: leaning on the “inner” reserves; state support; development of freedom and democracy, as well as active national non-government foundations; and development of interdisciplinary and poly-disciplinary research.

Key words: a strong science; a weak science; social science; sociology of science.

REFERENCES

- [1] *Konnell R.* Politicheskaja geografija obshhej social'noj teorii // *Voprosy social'noj teorii.* — 2009. — T. III. — Vyp. 1(3).
- [2] *Markusova V.A., Ivanov V.V., Varshavskij A.E.* Bibliometricheskie pokazateli rossijskoj nauki v RAN (1997—2007) // *Vestnik RAN.* — 2009. — № 6.
- [3] *Orekhov A.M.* «Social'noe» versus «gumanitarnoe»: ot faktov k teorii i metodologii // *Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo.* — 2011. — T. XIII. — Vyp. 4.
- [4] *Orekhov A.M.* Sociologija social'nyh nauk: stanovlenie novogo napravlenija issledovanij // *Vestnik RUDN. Serija «Sociologija».* — 2011. — № 4.
- [5] *Smith R.* Istorija gumanitarnyh nauk. — M.: Izd. dom GU VShJe, 2008.
- [6] *Jurevich A.V.* K probleme ocenki vklada rossijskoj sociogumanitarnoj nauki v mirovujuu // *Vestnik RAN.* — 2011. — № 7.